

Глава 1

БЕДА

Зима приключилась о нонешнем годе малоснежная, но морозная. В ближнем лесу от мороза деревья трещали, ломались. Деревенские в лес этот ходить побаивались, а куда деваться, если дрова для печи нужны? Если и заходили, то недалеко. Не зря лес Ведьминым называли. От опушки вглубь пройдешь сто шагов, начинают кривые деревья попадаться. Не от ветра кривые, изогнуты стволы берез и сосен причудливо, как будто великан баловался, узлом почти завязывал. Кто из смельчаков дальше в лес заходил, в страхе убегал. Сказывали после — голоса слышались, вой непонятный, леденящий душу, от которого волосы на голове встают и мурашки по телу. От деревни к лесу Козлиная падь ведет, тоже название не лучше.

Семья Первуши Фомичева в деревне самая бедная, потому как не обжились еще, переехали год как, бросив избу и налаженный быт. Перебрались в поисках лучшей доли, потому как налоги да оброки непомерные. А здесь, на границе Руси с Диким полем, землицы свободной полно, бери — сколько

осилишь обработать. У отца лошаденка есть, трехлетний мерин по кличке Соп. Почему так назвали, отец и сам не знал. Ну не Васькой же, как козла воющего.

На первых порах трудно было. Жилище себе обустроили убогое. Наполовину — землянка, наполовину — низкая изба. Детворы у отца трое, самый старший Первуша, да всего тринадцать годков ему, помощник пока слабый. Хворост для печи собрать, гусей пасти, мерина Сопы по борозде вести на пахоте — это по силам. А еще за младшими братьями присмотреть, чтобы в лес не убежали или в ручье не утонули. Ручей от жилища их недалеко, удобно воду брать. Чистый ручей, дно песчаное, неглубокий, но много ли малышне надо? Отец пахал землю, плотничал на стороне для заработка. Мать готовила, обстирывала, кормила скотину. Крестьянский труд — он тяжек, с утра до ночи, без выходных. Единственное время для послабления — это зима. Поля под снегом, пахать-убирать не надо, как и огород обихаживать. В такую пору лучше у печи сидеть, в тепле, малым братьям мастерить игрушки из дерева. Липа — дерево мягкое, режется хорошо. Отец зимой ложки из них резал, летом-то не до них. Первуша баклуши бил для заготовок, сам потом фигурки вырезал. Нравилось ему это занятие, так бы весь день и сидел. Тем более что выходить во двор особенно не в чем. Заячий треух один на троих мальчишек, зипун мать сшила, а с обувкой плохо. По зиме валенки бы хорошо, но для этого овцы нужны, шерсть. Летом ходили в лаптях с онучами, а зимой в заячьих поршнях. Из заячьих шкурок, мехом внутрь, шились короткие сапожки.

Тепло в них было, но только быстро подошва снашивалась и по глубокому снегу не пойдешь. Зверье — зайцев, лис — ловили силками. За зиму, когда у зверья мех густой и теплый, удавалось поймать десятка три-четыре зайчишек и две-три лисы. Отец планировал по весне бортничать, летом мед собирать. Вокруг разнотравья полно, мед пчелы наносят душистый, сладкий. Детворе мед по вкусу, сыто делать. А взрослые сбитень делали, да нечасто, поскольку специи — перец, корица — дороги были. Лучше соли купить у проезжих торговцев или выменять, купцы за лисью шкурку фунт соли давали. А без нее никуда — и похлебка пресная, и рыбу не засолишь, не сохранишь.

В общем, жили, как все в деревне, своим трудом. Да только беда пришла, откуда не ждали.

Зимним вечером, когда все за столом сидели, ели толокнянку-затируху, снаружи крики слышались, конское ржание. Встревожились — что бы это могло быть? Отец из избы-землянки выскочил посмотреть. На улице вьюжит, через открытую дверь, что на ременных петлях висела, вмиг тепло выдуло. Зато отчетливо слышны крики. Отец сразу в жильё ворвался, схватил деревянные вилы, что у входа стояли. Лицо бледное, кричит:

— Татарва окаянная! Убегайте в лес!

И наружу выбежал. Татар боялись. Крымчаки периодически набеги делали. Но всегда летом, когда коням подножного корма избыток. А кроме того, мороз и снег не мешают коннице двигаться и еще полоняников русских к Перекопу гнать. Только раздумывать было некогда. Первуша как был в заячьих поршнях на босу ногу да в холщовой

рубаше и портах, так и рванул на улицу. За ним мать и братья. А у избы отец едва сдерживает нападавшего всадника. Басурманин одолевает, конем теснит. К тому же сабля у него, отец едва успевает под удары вилы подставлять, от которых только щепки летят. Страх Первушу обуял, кинулся бежать в темноту, к лесу. За ним братья. В темноте падал не раз, слыша крики в деревне. Как и где братья и мать потерялись, не заметил в снежной круговерти и темноте. Остановился только у первых деревьев. В лес татары не заходили и не заезжали никогда. Степняки к простору привыкли, в лесу на лошади не разгонишься, к тому же ноги конские в барсучью нору угодить могут. А конь со сломанной ногой уже не помощник басурманину, а обуза, только в котел да на похлебку годится. Для татарина лошадь — и транспорт, и еда, даже печка в холодное время. Татарские кони неприхотливые, зимой копытами из-под снега прокорм добывают, сена никогда не видели. Небольшие ростом, мохнатые, выносливые и злые. Под седлом много верст пройти могут, а пахать не способны, поэтому на торгу в селах и городах вдвое дешевле наших стоят.

Первуша обернулся на деревню, да только не видно ее. Крики слышны едва-едва, звон железа. Татары при нападениях избы не жгли, ибо из соседних деревень и сел увидят, успеют жители в лесах укрыться. А еще — подмога из русских ратников с застав прийти может. Под покровом темноты, как тати, действовали. Да, по сути, разбойниками и были, грабежом жили, работоторговлей.

Поперва холод не чувствовался, страх и напряжение всех сил не давали морозу проявиться.

А постоял Первуша немного, замерзать стал. Далеко от опушки не уйдешь, заблудиться запросто можно. И еще — ведьм, нечистой силы боялся, не зря лес Ведьминым называли. Трясся от холода, как осиновый лист, ждал, когда утихнет все в деревне, уйдут татары. Тогда в избу вернуться можно. Братство у них особо нечего, бедная деревня, не должны басурмане надолго задержаться. Чтобы согреться, руками охлопывать себя стал, приседать. Да нет тепла, ветер под тонкую рубаху забирался, холодил тело. Через какое-то время носа и ушей не чувствовал, ладошками озябшими растирать стал. А потом и ноги занемели. Уселся под деревом, сжался в комок, заплакал. Себя жалко стало, братьев меньших, тятю и мамку. Крупной дрожью его било, потом вроде отпустило. Веки сами закрылись. Показалось — теплее стало. Не знал еще, что замерзает.

А в сибирской тайге замерзал такой же подросток, Петр. Только происходило это шесть веков спустя. Приехал из города на зимние каникулы к дедушке и бабушке, пошел на лыжах в соседний лес. А как завьюжило, проторенную лыжню и занесло. Поплутал, пока силы были, потом уселся за елью, в затишке. Должны же его искать? Сначала холодно было, прыгал, чтобы согреться, когда устал, съезжился под деревом. Показалось — угреться начал. Не знал, что так бывает, когда замерзать насмерть начинают. Да сжалилась судьба, переместила в другое тело.

Потом скрип снега рядом. Показалось или в самом деле? А вдруг волки? Сил веки поднять уже не было. Земля качнулась, показалось — как на волнах поплыл, закачался.

Голос над ухом низкий, надтреснутый:

— Как воробышек. Еще немного — и вовсе оконченел.

Потом ветер стих, тепло стало. Кто-то по щекам похлопал:

— Не спи, парень, не проснешься. Лучше попей моего варева.

Петр почувствовал, как его губ коснулась чашка, запахло травами. Мальчик сделал глоток, другой, ощутил, как в животе разлилось приятное тепло. Мужчина приподнял его за плечи, посадил на лежанке.

— Пей до дна, сам.

Чашка едва держалась в озябших руках, варево теплое, приятное. Мелкими глотками одолел всю. А мужчина уже ботинки лыжные с него стянул, костюм спортивный, рубаху.

— Лежи, сейчас мазью разотру.

Ох и вонючая мазь оказалась! Хуже того — щипать начало: руки, ноги, спину. Но после процедуры стал чувствовать пальцы рук и ног. А мужчина не унимается:

— Полезай в печь!

Испугался Петр. Рассказывала мама сказки, где нечистая сила детей в печь сажает. Ну так то в сказках, кто в них нынче верит? Хотя избенка маленькая, потолок низкий, непонятно, как он здесь очутился.

— Не, не полезу, — отказался он. Уж лучше на мороз.

— Где я тебе баню найду? А печь погасла, однако кирпич теплый, тебе согреться, пропотеть надо. С потом и хворь-лихоманка выйдет.

Вздохнул Петр. Убежал бы, как есть, нагишом и босиком, а где выход — не знает. Темно в избе у незнакомца, одна лучина только и горит. Подошел к русской печи, потрогал рукой. Кирпичи горячие, но не обжигают. Мужчина в печь сунул кусок войлока.

— На нем сидеть будешь.

Нехотя Петр в печь забрался. Ух как тепло, жарко! Вскоре тело потом покрылось. Капли крупные, на войлочную кошму падать стали. Периодически положение тела менял, чтобы руки-ноги не затекли. Тесно в русской печи, пожалуй, взрослый не уместится. Прогрелся каждой косточкой, каждой мышцей, невольно уже. Взмолился Петр:

— Дядька, вылезу я, дышать нечем.

— Коли невольно — вылазь.

Выбрался подросток. После печи показалось — не так и жарко в избе. Мужчина дал ему полотенце льняное.

— Оботрись и рубаху надень.

— Не моя то рубаха.

— Твоя от снега намочла, я сушиться у печи с портами повесил. А ты на печь полезай, сегодня там спать будешь.

Забрался Петр на печь, сон сморил быстро. А во сне незнакомые женщина и мужчина называют Первушей, улыбаются, руки к нему тянут. Не видел он, как незнакомец длань свою над ним простер, слова шептал. А проснулся вскоре вовсе другим человеком: тело свое, а душа чужая. Память чужая и привычки тоже, но как свои уже принял.

— Дядька, а как тебя звать? — спросил он.

— Колядой кличут.

Как услышал Первуша имя незнакомца, испугался. Слышал от деревенских об отшельнике, что в лесу Ведьмином жил. Разное о нем сказывали — колдун-де, нечисть ему помогает, однако людей лечит. Кому вывих вправит, кому зубы болящие заговорит, кому грыжу вправит. Цену за пользование не назначал, брал, что давали. Репу, рыбу, муку, сало. А кто нищ был и дать ничего не мог, не возмущался, не просил. Однако побаивались его люди. Некоторые божились, что сами видели, как из печной трубы его избы черти вылазили, другие говаривали, что Коляда сам по вечерам в филина превращался, прохожих до смерти пугал.

Коляда испуг Первуши приметил:

— Наговорили люди всякое, а ты не верь. Ложись и спи спокойно. Утро вечера мудренее.

— Мне к тятке с мамкой надо, а то...

Не договорил малец, так и уснул на полуслове. Коляда дерюжкой его прикрыл. К утру избенку выстудить может. Вздохнул, на мальчонку глядячи. Слышал и видел он, как басурмане деревню грабили. Не за полоняниками пришли, не доведешь их по зиме до стойбищ татарских, за легкой добычей явились, а уж сколько душ невинных загубили при том — не счесть. Утром-то видно будет — остался ли кто живой?

Коляда на лавке улегся, лучину задул, послушал, как ветер за крохотным оконцем завывает, бросая в него пригоршни снега. Плохо придется тому, кто сейчас в дороге, али как мальчонка — в лесу, да в неподходящей одежонке. Покрутился маленько на лавке, да и уснул.

Зимой светает поздно, встал, как и привык, — со вторыми петухами. Да не было у него петухов, как

и прочей живности, время по ним просто измерялось.

Печь затопил, благо запас дров в холодных сенах был. Снега в котелок набрал, в печь поставил, пусть растопится, сыто можно сделать, а еще, отлив в чашку малую, похлебку из кореньев и толокна.

Через маленькое, в ладонь, окошко, затянутое бычьим пузырем, начал пробиваться скудный свет. Похлебка уже сварилась, булькала. Коляда взял в руки тряпку, вытащил глиняную чашку из печи. Завозился на теплой лежанке Первуша.

— Вставай, солнце встало красное. Погодка скверная будет, примета верная. Проголодался, поди.

Первуша слез с печи. Присмотрелся к Коляде. Чего в нем страшного? Зря люди пугали, добрый дядька. Его, Первушу, нашел под деревом. Обогрел, у себя пристроил. И в печи не изжарил, как он вначале боялся. Первуша помялся с ноги на ногу.

— До ветру хочешь? Одежку свою надевай, высохла. А поверх мою меховую жилетку, вона — у двери висит. Не то продует вмиг. И за стол пора.

Ух, холодно на улице. Ветер не утихает, хотя снег почти перестал идти. А мороз за нос и уши щиплет. Все следы к избе занесло. Как к деревне выбраться? Юркнул быстрее в избу Первуша. Позавтракать, подкрепиться надо, да и честь пора знать. К отчему дому бежать, небось беспокоятся тятка с мамкой. О родных бабушке и дедушке не вспоминал, как и не было их.

За стол уселся. Деревянная ложка так и стучала о миску.

— Куда торопишься? Есть не спеша надо, не дикий же зверь.

— В деревню надо, хватились меня.

— Вот с этим погодить придется. Сам проверю, тогда решим, как лучше.

— Так тятка с мамкой...

— Цыц! Слушай, что старшие говорят.

Толокнянка с кореньями да с лепешкой ржаной больно вкусна. Первуша доел быстро. А Коляда из горшочка сыто по кружкам разливает, горячее еще. Сыто — мед в кипятке да с приправами. Каждая хозяйка по-своему его делает. Кто сушеную малину для аромата добавляет, а кто листья чабреца или иван-чая. У Коляды сыто духовитое, сладкое. Первуша выпил не спеша. Дома такой вкуснятины не пробовал отродясь. Не пожалел меду хозяин, а может — наговоры особые знал.

— Полежи на печи, полезно тебе. А я деревню проведаю. Только из избы ни шагу, заплутаешь.

— Угу.

Коляда заячий треух надел, тулупчик овчинный, валенки. Огромный, толстый и неповоротливый стал в одежке.

— Не балуй тут, травы не трогай.

По стенам висели пучки трав на деревянных гвоздиках, пахло от них запахом незнакомым. На сытый желудок Первушу в сон потянуло. Влез на печь, угрелся и уснул. Как хлопнула дверь за Колядой, уже не слышал.

Отшельник вышел на опушку. Снежок хотя и редкий, а деревню рассмотреть не удастся. Да еще и ветер колючий слезу из глаз давит. Обернулся Коляда — нет ли поблизости кого. Сзади деревья голые, впереди целина снежная, ослепительно-белая, до рези в глазах.

Присел, крутанулся, руки в стороны растопырив, сбив снежную пыль с елки, обернулся филином. Птица большей частью ночная, но и днем иногда увидеть можно. Большая, глаза круглые, а летает бесшумно, не то что голуби бестолковые, крыльями хлопают, внимание привлекают. Взлетел филин тяжело: с земли все-таки, не с ветки вспорхнуть. Да и к деревне полетел, набирая высоту.

Неприглядная картина открылась. Трупы — людей и домашнего скота — на дороге, возле изб. И ни одного живого, только мертвая тишина. От татар даже следа конского нет, снегом замело. Поднялся филин выше, направился к другим деревням, что по соседству. В Бродах, что на реке стояла, картина не лучше. Трупы, одна изба сгорела, еще дымком курится. Поодаль и левее Долгушиха. Название получила, потому как единственная улица вдоль речки шла, деревня длинная, долгая вышла. Избы целы, трупов нет. Стало быть — заметили пожар в соседней деревне, укрылись люди в лесу, уведя скот. Свиной с собой не брали, басурмане в пищу их не употребляли, вера магометанская не позволяла. А вот коров и лошадей вели, зачастую успевая запрячь в сани, на которых вся скудная поклажа и детвора. Тем и спасались.

Коляда даже крыльями не двигал, расправил, парил под порывами ветра. Сделал круг над лесом. Вон люди, живые все, коровы и лошади жуют сено, что в саях для подстилки лежало.

Но отшельника интересовало — где татары? Затаились в предвкушении нового нападения или ушли? Добыча-то с разоренных деревень не велика. Развернулся, набрал высоту. Зрение у филина